

Анатолий Мерзлов

Сон в руку

<https://litres.ru/73999894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Живое видение, пришедшее писателю Анатолию Мерзлову, в ночь похищения Николаса Мадуро. В форме аллегории писатель превращает сон в реальность сегодняшнего дня. Вещий сон открывает стратегию к разрешению кровавого конфликта на Украине, устами русского агента Павла Верещагина.

Содержание

ГЛАВА 1.	4
ГЛАВА 2.	10
ГЛАВА 3.	14
ГЛАВА 4.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анатолий Мерзлов

Сон в руку

ГЛАВА 1.

В отпущенные на отпуск 240 часов, не считая времени на дорогу, а именно, на перелет в отдаленные края, Паша лелеял в себе почти сказочную мечту: полностью отрешиться от хитросплетений текущих событий. В постоянном напряжении он мог дать, чреватый провалом сбой, невольно застопорить архиважную операцию. Его настойчивая просьба, как результат созревшего замысла, удачно совпала с выпавшей, казалось, из таинств мироздания, возможностью. Он имел умеренность в религии, скорее по детской привычке, обращался к Богу. Паша, с тех давних пор, когда еще мама говорила ему: «Бог от него много не требует. Живи, как можешь: как можешь молись, как можешь трудись, как можешь благотвори. Делай это без внутреннего напряжения и с благодарностью» - так и жил, не наживая врагов, в трудные минуты, не гнушаясь осенять себя крестом. Последняя просьба отчаяния - обращенная к небу, и, о, чудо, есть результат.

От его основной дислокации, предместья аэропорта Жуляны, до архипелага Канарские острова, с конечной останов-

кой на острове Гран Канариа, более 5000 км. После безвылазных четырех лет напряженного существования, он давно нуждался в психологической перезагрузке. Для обоснования непонятных ему обстоятельств, оставался прямой контакт. Довлеющий надо всем вопрос требовалось разрубить, как гордиев узел. Паша долго ждал удобный момент, и он ему представился, надо сказать, после неоднократных просьб к Центру, и с отчаяния - к Богу. Наконец-то, будет получен ответ на угнетающий его вопрос: почему ему, «не первому трубачу в большом оркестре», понятно, то очевидное, что никак не принять «главному дирижеру»? Десять суток далеко от эпицентра противоречий - в сущности, миг, за который его поблагодарит вечность. Бичевать себя в собственном бессилии может не каждый - Паша мог, он купался в нем, словно в зачарованной реке. Оптимист придумал самолет, пессимист - парашют. Его оптимизм звал в полет, к активному действию. Многие в его убеждениях - из высоко морального, оно, отчасти, подпитывалось жадой самовыражения, и, в какой-то степени, тщеславием. Высокая цель оправдывает всякие средства. От себя никому и никогда не уйти. Архитекторы прячут свою оплошность под плющом, домохозяйки - под майонезом, а врачи - под землей. Чтобы не пришлось маскировать свою оплошность, одним из подобных способов, Паша в стадии подготовки желал распутать клубок недоразумений, спутанных в одной связке с поставленной задачей. С неопределенностью, на начальном этапе, он

смирился, однако, время обрастало фактами, и все нарастающее внутреннее сопротивление не давало ему покоя. Паша не выдал экспромт, что было свойственно ему, он выпестовал этот подход. С уходящим временем все текущее время его совершенствовал, надеясь до конца на лучший, спущенный сверху, исходный вариант, пока в новом информационном поле не заметалось, как вольная птица в клетке, его собственное «Я». Из негодующих недр поднималось сомнение: а доступно ли еще ему владение собственным разумом - не по программе спущенной сверху, не по долгу разведчика, а по разумению маленького промежуточного колесика - патриота Паши, в составе большого хорошо отлаженного механизма. Не этого Паши, ежесекундно настраивающего свой взгляд, регламентирующего неосторожный поворот головы, направленных, всего лишь, на удержание своего потенциала в спящей ячейке на непредвиденный случай. Игра в перевоплощении ему не претила, она всегда была его органической частицей, частицей от целостной части, не основной, какой обязывают быть, гасящие инициативу, установки. Свобода действий означает ответственность - не поэтому ли в руководстве так боятся ее!? Секрет успеха, как он понимал, в том, чтобы вызвать возмущение, как можно у большего количества курирующих его людей. У оптимистов сбываются мечты, у пессимистов - кошмары. Паша, хотя и был оптимистом, жил в кошмаре. Он согласился бы и на компромисс, если оставить все, как есть, но при этом иметь достаточную

возможность импровизировать по обстоятельствам, где гораздо большая вероятностью в итоге получить громкую, а не подавленную из осторожных потуг победу. Паша не любил сражаться, он хотел побеждать! Давно бы сидеть ему на лавочке одного из скверов Крещатика, выбери руководство решительную тактику. Под сенью вековых каштанов, раскинув ноги корабликом, не напрягаться до сих пор анализом совершаемых действий, не корчить из себя любителя пива и беспринципного бабника. Не изображать среднестатистического, преданного сомнительной идее хомо сапиенс. А Человека - из плеяды единых духом, проповедника благоразумия, знающего, как быстрее добыть то светлое будущее. Не отчаиваться че-ты-ре года упущенным временем, под умиротворяющую возню, не обманутых временной тишиной воробьев, скукожившись на лавочке в Образе. Не бояться открыться окружающим, и давным-давно не витать в радужных облаках. Паша живо вспоминал, через горечь настоящего, то поистине благодатное время, когда сиживал здесь, в довоенном сквере Крещатика, беспечно играя зайчиками от приближенных уставных ботинок, ловил откровенно игривые, искрометные взгляды зажигательных украинок, через одну желающих его сиюминутного внимания. Как тогда, не сейчас, без сирен и хмурых лиц, откровенно улыбаться без опасения показаться счастливым. Увы, в это новое, бездумное время, лишь напускной образ мог не вызвать ненависти окружающего сообщества. Только, понизив тон голоса до скорбного,

можно маскировать себя, не выделяясь из среды потухших взглядов, спешащих в никуда людей. Паша понимал: старые опоры рухнули, необходимо искать новые. И он вывел для себя жесткие, иногда горькие, но честные правила. Они не про сказки - они про реальность.

Родина ему приказала:

- Старший лейтенант Павел Верещагин, ты забудешь родной язык, ты будешь перевоплощаться, играть предложенную роль, не скуля и не сбрасывая со счетов вероятный глаз записывающего устройства. Будешь играть столько, сколько нужно, сколько потребует Родина в текущей неопределенности Новой истории.

Врожденное качество актера и классического гуманиста, в нем поневоле дополнялось математическим раскладом. ТАМ проверили, ТАМ просчитали и приняли его расчетное досье, как взятое за основу: одаренный человек - одарен во всем. ТАМ увидели в нем, не совсем откровенном шагисте и умеренном фантазере, врожденного актера и хорошего исполнителя, даже ведущего в сложной закулисной борьбе. Откровенно говоря, черт его дернул открыться на службе. Изучая в игровой манере своего воображения, факты случившегося убийства ряда медийных личностей, Паша делал свое личное заключение в первую же неделю от совершенного акта. Ладно бы в себе, так поспешил поделиться в совершенно праздной беседе по дороге домой, всего лишь заполняющей пробел молчания, с прямым начальни-

ком, подполковником Путивлевым. В системе разведки, исключительно каждый, кто обладал аналитическим умом и желал служебного роста, изучал независимые от своих прямых обязанностей, нестандартные психологические подходы. Но вот и поделился. В их следственном отделе - очередной результат: пухлая многотомная папка, а у него летучий экспромт - и всегда в «яблочко». Всякий знает, но только по обстоятельствам видит исход той дремучей прописной истины: язык твой - враг твой. На новом для себя поприще - смешно и пафосно прозвучит: косяков в стане врагов, как будто пока не допускал. По-ка, но первые признаки уже начинали возникать. Паша ни на минуту не исключал перекрестного наблюдения за собой - это происходило всегда, до стойкого убеждения в полной твоей лояльности тому, кому служишь. Как правило, оно велось, за новичками, коим и являлся он, Паша - продукт рискованной протекции подполковника Путивлева.

ГЛАВА 2.

В охране внешнего периметра обитания ЗЕ, куда Паша попал в итоге отбора, сотрудников тасовали, как игральные карты. Менялось время вступления в караул, перемешивались составы смен - в программе прослеживалась система подсадных уток. Схема несения караулов не подчинялась математическому расчету, как не пытался Паша вычислить в ней хотя бы какую-то закономерность. Кто-то очень осторожный, и далеко не дурак, по всей вероятности, изучив и педантизм немцев, провал Абвера в прошлой войне, и опыт чужих ошибок, приняв наработку английской МИ6, создал существующую систему, как им казалось, бескомпромиссной охраны. Паша просчитал своим русским разумом: находил в созданной системе слабые места. Внутренний периметр, контактный к ЗЕ - весь сплошь из агентов МИ 6, причем калякающих по-русски на хорошем уровне. Любой контакт с его сотрудниками, даже обычная бравада, могли поставить тебя на счетчик. Сказано: действовать «От и До», так и действуй. Паша заметил: при малейшем отклонении - либо ТЦК, либо фронт, что равнозначно переходу твоего существования в область хождения по натянутому канату. Не исключались поблажки - Вверху понимали и старались соответствовать: ты не киборг, для сохранения твоей полноценности они обязаны применить разгрузочные параметры. Как

то: позволить меру в отдыхе, включая женщин и алкогольные напитки. Не потребляешь, уклоняешься от телесных связей - считай, ты взят в разработку. В женщинах желателен определенный вкус и постоянство. К тому арсеналу допускалось присовокупить плохо скрываемую идеологическую подоплеку - разрешалась некоторая лояльность к врагу. Откровенное отрицание последнего - ты есть идейный бандеровец, что грозит отправкой к нацистам «Азова», или «Кракена». Даже такой, казалось, абсурдный факт, мог вызвать настороженность. Русским языком до самозабвения не игнорировать - в неофициальных беседах можешь общаться на нем. Весь этот негласный перечень выстрадан Пашей, из опыта повсеместно бытующего менталитета. Плата за службу - не скверная и своевременная, для исключения продажных поползновений, но не в хрустких бумажках - через банковский расчет. Расходы остаются прозрачными - сальдо, бульдо в доступной базе данных. Предпочтительность именно такого неоспоримого качества сотрудника охраны высших государственных лиц, Паша выхолостил сам, и много раз убеждался в своей правоте. Четыре года, как он в укровской порочной схеме. Четыре года - пока ни одного сбоя. Пока... Он начальник караула, и звание, превышающее родное, тому подтверждение. Личная жизнь, как у песика на поводке. На виду - посещение бара. Брал больше на вынос домой, там проще утилизация в унитаз. Крепкое - исключительно для символа, на свой и день рождения родителей. Женщина-подружка для полно-

го образа была обязана быть. В недостающем звене надзора, при уединении в свободное от службы время, таким естественным образом скреплялся образованный разрыв. И Паша этому формату не противился. Подружка была - не первая, две предыдущие шкурами оказались, тупыми и с высокой степенью авантюриности. Он знал: с девочками кое-кто подсуетился. Третью и нынешнюю, сотрудницу фармкомпании, выбрал, как казалось, сам. Зося, - менеджер по дорогостоящим закупкам. Знал бы, что влипнет в Большую игру, не согласился бы ни в жизнь. Путивлев давал срок для решения. Элемент авантюриности в характере, постоянный поиск новизны от закисания мозга, приверженность к национальным ценностям перетянули сомнения. Время показало: разведчик в долгую, где годы в полном отрешении - не его стезя. Паша предпочитал роль ведущего. Так пошло - совершенно случайно попал в нужную струю. И вместо фронтового подразделения, куда ориентировали первоначально, когда задача ставилась, куда более скромной, угодил к самому черту на рога. Перед Зосей, своей нынешней отдушиной, с осторожностью приоткрывался - пока не открылся, давал проверочную многоходовую затравку. Паша понимал: всего в тесном контакте не скроешь, надо быть для того абсолютной железякой, механизмом. Временами, соответственно, подкидывал обоснования некоторым своим действиям. Не узнать несоответствия его образа в общем кругу и с глазу на глаз с ней, было бы смешным. Полную уверенность в ее принадлежно-

сти к СВРУ, пока обосновать не мог. Он хорошо знал изощренные методы разведки - могли использовать и в темную, к примеру, используя шантаж. Физиологии не отвергнешь, зрелую активность не рассосешь, как леденец. Кем ты выглядишь, если привлекательная женщина дает тебе приватный *carte blanche*, а ты отвергаешь его?! Чу - че - лом? Полным идиотом? Да нет же - «майором Прониным». Без всякого сомнения - русский шпион! Паша держал себя, как обычный мужчина, кому не чужды прелести противоположного пола. Зося и не была противна ему, перевалив за грань мало дозволенного. Все без игры, без натуги, в полном естестве. В его задачу входила осторожная вербовка новых агентов. Своими действиями он давал оправдание двум противоборствующим сторонам конфликта.

ГЛАВА 3.

Зося родом из Черновицкой области - премиленько лопотала на мове, не гнушаясь языковой смесью. Фразы лились из нее весенним ручейком - этим она Пашу завораживала, подогревала стимул к доверительной близости. По спущенным сверху шаблонам, он ее, как требовала инструкция, не стал проверять. Он знал ее в разных ипостасях, и сделал свой вывод: обычная девчонка, уставшая от прошлых недоумений, не стерва, достаточно открыта и его типаж. Пока им был принят этот формат. С Зосей он хотя бы как-то отдыхал. До полного расхождения напряжения не доходило, не отпускало и в близости. Что их единило? Наверное, общее прошлое. После разлада матери Паши с отцом в России, так получилось, отец осел еще в том обоюдном прошлом, у родственников на Буковине. Паша остался с отцом. Мама вышла замуж за военного, растворившись с ним в дипломатических ведомствах за рубежом. Невероятно, но с Зосей когда-то они пересекались на бродвее в Черновцах, на улице Ольги Кобылянской. Они там не встречались, но дышали одним воздухом. Чего ждут и ищут молодые люди в местах скопления празднующихся? Со всей очевидностью: узреть нечто, посмотреть на окружающих и себя показать, повезет - встретить суженного/ую/. Паша навещался в Черновцы к отцу в отпуск, учась в Киевском военно-ин-

женерном училище. Он вполне овладел украинским языком, полюбил за красоту его певучести и художественной окраски - язык ему нравился музыкальным звучанием. Инженерная направленность училища, даже перспектива гражданской совместимости, не остановили его. На четвертом курсе его тяга к гуманитарным наукам повернула вектор в сторону от армии. На месте не получилось, украинский сепаратизм первым внедрился в образование. Он вернулся к истокам, в Россию, можно сказать, на пене последней легальной волны. Учился журналистике уже здесь. Круговерть перестройки привела в службу разведки. А все остальное, как утренний туман. В России - старший лейтенант, в Незалежной - капитан. Не будем открывать рафинированных секретов, хотя сие и меняется, видоизменяясь по временным обстоятельствам, а рисовать вероятность - навязывать читателю ТТД велосипеда. К сему, откровение - в дозволенных рамках, чтобы никому не насолить. Свершившийся факт: ему доверяют и ЗДЕСЬ и ТАМ.

ГЛАВА 4.

...Бинг взревел моторами, вырывая на взлет. Утомленная суматошными сборами, Зося уснула, рассыпав пахучие русые волосы по его плечу. Щеку приятно щекотало. Паша не удержался и погладил ее голову. Она, секунду назад расслабленная и отрешенная, среагировала мгновением. Не открывая глаз, улыбнулась, и ручейковым речитативом, как могла только она, певуче произнесла:

- Ты що милый все ще так сильно мене любиш?

Пашу удивляла ее постоянная настороженность - он не говорил ей об этом, но пытался узнать, что за этим: природная особенность, или результат сдерживающих опасений. Когда Зося его целовала, произнося певуче «мой коханный», его соображения упорядочивались до признания ее природных особенностей. Она и ночью, при его прикосновении, ластилась к нему следующим мгновением, будто и не спала вовсе, в постоянном ожидании его действий. И эта особенность, как сложно проверяемая, Пашу настораживала, удерживая от следующего шага сближения. Он никогда не видел ее ни откровенно заспанной, ни отрешенной от текущего разговора. Он принял промежуточный двойкий вывод: либо здесь следствие какого-то отягощающего прошлого, либо, сдерживающий продукт - штатное выполнение инструкций. Паша

иногда мог сказать о ней с уверенностью: «Ты есть быстрая вода с синих гор» - Зося временами бывала таковой, между тем, случалось, представлялась ему контрастно другой. Веселый талый ручеек, сказать о ней в это время - попасть в самую точку, что Паше виделось жизнеутверждающе и тоньше стихийного потока - такой она становилась в минуты их близости. Инструкцией в его положении любить не приветствовалось. Ее обосновывал железный аргумент: в любви теряешь осторожность, а, ставшая мнимой бдительность, становится инструментом в руках врага. Паше играл в противоречии с натурой, скрывая свою истинную природу. Он мог отвязаться с ней в постели, поневоле вдохновленный потерей ее самообладания. Лишь здесь он приближался к самому себе - становился страстным и романтичным. Он оценил ситуацию, как разведчик, профильтровал ее фразы сразу после случайного знакомства. Паша отлично понимал, где его прокол: дома с ней он никогда не пил и не предлагал - затмение рассудка алкоголем ему претило по природе, хотя на виду надо было позиционировать себя, как его любителя. По первому посылу, при первой встрече, ее реакция не явила ему пылкую натуру. Он задавал себе вопрос: почему именно его послали в фармкомпанию, не посыльного, а именно его, начальника караула. Скорее всего, заведомо готовя встречу именно с ней? Развитие событий здесь несложно просчитать. Его мозг жил в состоянии постоянной аналитики. Тогда Зося помогла Паше в получении лекарства. В первое посещение в

наличии оказалась половина требуемой дозы, во второе - он сделал попытку к закреплению знакомства - она выигрывала перед предложенными ему биксами, с искусственно надутыми формами - Зося ему преобладала естественным. Паша уже долгое время оставался один, со всей очевидностью, об этом знали кому надо. Явно без энтузиазма, как бы нехотя, она дала согласие на встречу, но не пришла. Позвонила позже, извинилась обстоятельствами, а он, Паша, повторил просьбу, получилось, сам просунул голову в раскинутую петлю. Ее несговорчивость показалась ему плохой игрой. Правда, она позже призналась ему, что в нем ее пересилило. Паша вспомнил свои слова при первой их встрече? Ничего особенного. Выдержка из «Червоны руты»: «Ты признайся мени, звидки в тебе ти чары?» При второй встрече продолжил ту же тему: «Я без тебе вси дни у полони печали»... Обычные дежурные реплики. И последнее настораживающее «НО»... Так легко выбитый отпуск?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.